

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧИХ ДЕЛЕГАТОВ ЛЮКСЕМБУРГСКОЙ КОМИССИИ 1848 г.

Наум Ефимович Застенкер

Французский ежегодник 1975

М.: Наука. 1977

Веб-публикация: **Vive Liberta**

Несмотря на заметный количественный и качественный рост исторических исследований рабочего движения во всех странах, легко объяснимый решающей ролью, какую оно приобрело и закрепило за собой историческими победами социализма, современная историография далеко не устранила многочисленных белых пятен на карте развития рабочего движения даже наиболее изученных стран.

Одним из доказательств может служить состояние изучения французского рабочего движения в период революции 1848—1851 гг. Пошло уже второе столетие историографии этой революции, и все же она не может и сейчас предъявить монографического специального исследования рабочего движения этого периода, отвечающего современному уровню научных требований и знаний эпохи.

Это непосредственно сказывается на интересующем нас вопросе об организации рабочих делегатов Люксембургской комиссии и их роли в рабочем движении начального периода революции 1848 г. Об этих рабочих делегатах упоминается в большинстве работ, посвященных истории февральского периода, но характер их организации и деятельности обходится молчанием, либо некритически повторяются многочисленные кривотолки длительного мифотворчества о «рабочем парламенте» 1848 г. Луиблановская версия об этом «рабочем парламенте» получила распространение не только в антимарксистской и ревизионистской литературе вопроса, но проникла и в марксистские исследования, где повторяется до нашего времени¹.

Тем более заслуживает быть отмеченной своей познавательной ценностью недавняя большая работа французского историка Р. Госсэ о рабочем движении и рабочих организациях в Париже в 1848—1851 гг.²

Опубликованная первая часть этого широко задуманного исследования вводит в оборот исторической науки свежий документальный материал по рабочему движению в годы Второй республики, почерпнутый из французских архивов, из материалов следственной комиссии Учредительного собрания по июньскому восстанию, из сообщений и высказываний периодической печати различных направлений и памфлетной литературы тех лет.

¹ В русской литературе после 1905 г. эту фальшивую версию возлюбили публицисты трудовическо-эсеровского толка, см. статью: *Бутенко В.* Парижский рабочий парламент 1848 г. и его деятельность.— «Русское богатство», 1908, № 10, и большой «критический очерк» о луиблановском социализме Е. Колбасина (*Колбасин Е.* Луи Блан. История революции 1848 г. СПб., 1907). В недавнем капитальном труде по истории социализма во Франции известного американского историка-марксиста С. Бернштейна (*Bernstein S.* Storia del socialismo in Francia, vol. II, Roma, 1963, p. 154). к сожалению, воспроизводится та же версия: «Присутствие нескольких сот рабочих делегатов придавало Люксембургской комиссии характер «парламента труда», действовавшего в интересах рабочего класса».

² *Gossez R.* Les ouvriers de Paris, livre premier. L'Organisation 1848—1851. La Roche-sur-Yon, 1968.

Р. Госсэ сосредоточился на парижском пролетариате и не обследует рабочего движения в провинции в те годы. Такое самоограничение историка оправдывается не только тем, что французское рабочее движение того времени было необычайно сложным, неоднозначным, достигшим в своем развитии разного уровня в разных районах страны, но и тем, что рабочее движение времен революции 1848 г. во многих провинциальных промышленных центрах Франции еще менее исследовано, чем в Париже.

Кроме того, мы хотели бы восстановить в правах еще один немаловажный исторический довод в пользу выделения парижского пролетариата как объекта специального исторического исследования на протяжении большей части XIX в. Оставаясь по преимуществу ремесленным и мануфактурным, парижский пролетариат в середине XIX в. представлял исключительный феномен. Парижские рабочие прошли через горнило нескольких буржуазно-демократических революций, что намного ускорило их развитие и накопило в толще рабочих масс богатейший, ни с чем не сравнимый политический классовый опыт. Вследствие этого парижских рабочих отличали от других отрядов рабочего класса во Франции и вне ее гораздо более высокий уровень политического и социального самосознания, более обостренное классовое чутье, более выраженное и настоянное на жизненном опыте недоверие к господствующим классам, более высокий градус революционной ненависти к эксплуататорам, более сильное тяготение к освободительным идеям социализма и коммунизма. Невольным признанием всего этого было свидетельство проницательных буржуазных современников о том, что во всей Европе в середине XIX в. видели в парижских рабочих «самый умный, самый развитой рабочий класс на всем земном шаре»³.

Конечно, это не создавало парижским рабочим иммунитета от буржуазной идеологии, не защищало их от сильнейшего влияния мелкобуржуазного социализма и не компенсировало численную слабость индустриального пролетариата, которого так недоставало Парижу до самого конца XIX в. Тем не менее Маркс и Энгельс в своих оценках международного и французского рабочего движения этого столетия неизменно выделяли парижский пролетариат. Они находили вполне закономерным, что революция 1848 г. поставила его в центр всеобщего внимания. Оглядываясь в 1891 г. на это историческое явление, Ф. Энгельс отмечал, что «в Париже за последние пятьдесят лет сложилось такое положение, что каждая вспыхивавшая в нем революция не могла не принимать пролетарского характера, а именно: оплатив победу своей кровью, пролетариат выступал после победы с собственными требованиями», которые сводились в конце концов «к уничтожению классовой противоположности между капиталистами и рабочими»⁴.

Наблюдение Энгельса вполне оправдывает ограничение темы исследования Р. Госсэ и одновременно помогает увидеть его недостатки. Р. Госсэ не всегда удается исторически правильно прочесть свои материалы, так как он рассматривает рабочее движение в Париже оторванно от общего хода революции 1848—1851 гг., от ее политической истории и смены этапов классовой борьбы, установленных анализом Маркса. Вследствие этого Р. Госсэ не вписывает рабочее движение в столице в общую картину развития Второй республики. Многие суждения Р. Госсэ о рабочем движении сбивчивы и неустойчивы, они страдают недостаточным проникновением в своеобразие различных слоев рабочего населения Парижа, в специфическое идеологическое выражение противоречивого процесса пробуждения их классового сознания.

Следующие ниже заметки, материалы и наблюдения представляют попытку свести воедино наши собственные изыскания и некоторые новые

³ См.: *Мильт Дж. Ст.* Французская революция 1848 г. и ее хулители («Westminster Review», April 1848).

⁴ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 190—191.

данные работы Р. Госсэ в краткий очерк организации рабочих делегатов Люксембургской комиссии до конца ее существования.

Разумеется, автор этого очерка сознает его существенные пробелы, спорный характер некоторых предлагаемых истолкований тенденций развития организации люксембургских рабочих делегатов и наличие во всей их истории еще не выясненных вопросов, требующих дальнейших исследований.

I

Победа пролетарского Парижа над «царством банкиров», завоевание демократической республики и вырванное у Временного правительства обещание «социальной республики» воодушевляли рабочие массы и наполняли их ощущением своей силы. Победители возвращались с баррикад и дворцовых площадей, исполненные нового боевого духа. Одилону Барро, узколобому лидеру «династической оппозиции», навсегда врезалось в память «преувеличенное представление о своей силе» у парижского пролетариата: «Всякое сопротивление его воле представлялось ему атакой на его право, настоящим восстанием против его победы»⁵. Стачки, которые вспыхнули в первые же дни уличной борьбы в Париже, участились после победы. В конце февраля стихийная стачечная волна поднялась еще выше, и к началу марта в Парижском районе царил почти всеобщая забастовка, охватившая и крупные и мелкие предприятия, железнодорожный транспорт и речные порты столицы. Требования забастовщиков во многих местах говорили о глубоком воздействии кратковременной «диктатуры низов» февральских дней на самосознание рабочих масс. Вдохновляющей была мысль, которую высказал в февральские дни вслух фабричный мастер Гибер, сторонник икарыйского коммунизма и активный участник разгона повстанцами палаты депутатов 24 февраля. Он воскликнул при этом: «Мы хозяйева!»⁶

Борьба масс сопровождалась самостоятельным творчеством в поисках форм организации рабочих сил. Парижские бумажники, собравшись на площади Вогезов, чтобы избрать своих делегатов в Люксембургскую комиссию, которую Луи Блан назвал «рабочим парламентом», сразу же переименовали этот «парламент» во «Временное правительство трудящихся». Мысль эта была подхвачена рабочими других профессий, называвшими Люксембургскую комиссию то «Временным правительством по организации труда», то «Генеральными штатами труда». Портовики и матросы речных портов Сены взяли в свои руки контроль за ними и создали собственную «речную гвардию», противопоставив ее буржуазной национальной гвардии. Образовавшийся на машиностроительных предприятиях Шартра Временный комитет рабочих сразу же направил своих эмиссаров за инструкциями в Люксембургскую комиссию⁷. В угольных копиях бассейна Луары шахтеры настаивали на организации управления их шахтами «по образцу Временного правительства в Париже». Они изгоняли из шахт прежних управляющих и инженеров и избирали на каждой шахте «временные правительства», которые намечали трех кандидатов в «президенты шахты», и требовали от угольных компаний назначения новых управляющих шахтами из числа этих рекомендуемых рабочими кандидатов⁸. Конечно, столь действительные стремления создать сверху до-

⁵ См.: *Barrot O. Mémoires posthumes, vol. VIII. Paris, 1876, p. 53.*

⁶ Этот факт упомянул Э. Кабе в одной из речей в своем клубе «Центральное братское общество».

⁷ *Dessal. La Révolution de 1848 et la Seconde République dans le département d'Eure-et-Loire. Chartres, 1948.*

⁸ *Blanqui A. Des classes ouvrières en France pendant l'année 1848. Paris, 1849, p. 162—163.*

низу «временные рабочие правительства» характеризовали лишь разрозненные рабочие выступления.

Но в них звучало и проглядывало общее стремление рабочих положить конец предпринимательскому произволу, добиться социального равноправия пролетариата на предприятии. Именно в этом месте розовой февральской картины сентиментального братства и воображаемого уничтожения классовых отношений с самого начала и упорнее всего стали выступать пятна классовых реалий.

Наиболее общей тенденцией рабочего движения было стремление преодолеть унаследованное от прошлого разъединение, тенденция к единству и организации. После Февральской революции парижский пролетариат явочным порядком заставил буржуазию и Временное правительство фактически легализовать профессиональные рабочие объединения и стачки.

Среди бурно росших рабочих союзов всех типов должны быть отмечены объединения прежде соперничавших компаньонажей ремесленных подмастерьев. Еще чаще возникали локальные профессиональные объединения, соответствовавшие раздробленному ремесленному характеру большей части парижской промышленности. В округах столицы и предместьях создавались рабочие корпорации дробных профессий: каменщиков, штукатуров, маляров, кровельщиков железом, кровельщиков цинком, каменотесов, рабочих мраморного дела, столяров, столяров-краснодеревщиков, мебельщиков, изготавливающих стулья, мебельщиков, изготавливающих кресла, лакировщиков, сукновалов, рабочих ленточного производства, позументчиков, шляпниц, печатников обоев, клейщиков обоев, булочников, рабочих-мясников и т. д. и т. п.

Объединительная волна всколыхнула также отсталые слои людей наемного труда, были созданы «братское общество домашних слуг», общество женщин-служанок, общество кучеров фиакров, общество взаимопомощи и приискания работы парикмахеров, «Национальное общество клейщиков обоев города Парижа», общество мостильщиков улиц, общество водопроводчиков и другие профессиональные корпорации.

В весеннем половодье рабочих объединений ощутимо сталкивались старое и новое, унитарная тенденция и фактически разгораживавшая рабочий класс корпоративная тенденция, ведшая к столкновению интересов и привилегий отдельных профессий, отражавших конкуренцию на рынке труда. При столкновении этих противоречивых тенденций рабочего движения в февральский период в общем и целом одерживала верх тенденция к классовому сплочению. Объединительный процесс прокладывал себе дорогу через контакты и координацию между локальными рабочими корпорациями, через соглашения о федеративной связи между ними, а в ряде случаев совершалось объединение их в общепарижские рабочие организации с общим руководством и локальными филиалами.

Последней ступени объединения достигли, например, учрежденная в марте 1848 г. корпорациями рабочих-столяров 12 округов столицы единая Братская и демократическая ассоциация рабочих столяров города Парижа, возникшие в том же месяце Генеральное общество объединенных рабочих-шляпочников Парижа, Общество кочегаров газовых заводов Парижа и его пригородов, Братское общество рабочих-ситцепечатников и др. Выделялось своей мощью созданное в конце апреля многотысячное «Генеральное политическое и филантропическое общество механиков и слесарей со всеми их подразделениями», объединившее корпорации слесарей, литейщиков, кузнецов, котельщиков и других подобных профессий в машиностроительной промышленности, в строительстве паровых машин, на крупных каретных и вагоностроительных предприятиях.

Р. Госсэ в своем исследовании старается подчеркнуть профсоюзный характер этих рабочих организаций и резюмирует свои наблюдения в общем выводе о том, что рабочее движение, рожденное Февральской рево-

люцией 1848 г., «было по своей природе синдикальным»⁹. С этой ограниченной точкой зрения трудно согласиться. Более широкое рассмотрение вопроса приводит, скорее, к противоположному заключению.

Соединение борьбы за экономические и трудовые права и политической борьбы за «демократическую и социальную республику» было характерным для большинства крупных корпоративных рабочих организаций Парижа, возникших после Февральской революции. Руководители «Генерального политического и филантропического общества механиков» объясняли слово «политическое» в его названии тем, что «каждый из нас должен знать и следить за ходом деятельности правительства, которое мы создали, с тем чтобы быть в состоянии обсуждать его действия и протестовать против тех из них, которые пытались бы уничтожить наши права»¹⁰.

Создав свою единую организацию, парижские столяры заявили, что первой целью их объединенной «ассоциации» является «поддержать народное и демократическое правительство и сделать невозможной контрреволюцию». «Корпорация рабочих-кровельщиков свинцом и цинком, организованная на принципах г-на Луи Блана», декларировала намерение «создать из трудящихся одну большую семью, которой будут руководить люди, пригодные к тому по своим знаниям и уму (*intelligence*), а не *хозяева*». Ассоциация и временная организация рабочих-красильщиков шелка в Париже в своем «Воззвании к рабочему классу» в конце марта 1848 г. потребовала, «чтобы по крайней мере девятая часть всех мест в палате депутатов принадлежала рабочему классу»¹¹.

Основные экономические требования рабочих также принимали политическую окраску. Во всех отраслях промышленности в переговорах с предпринимателями рабочие и их представители добивались прежде всего осуществления давнишних требований об ограничении рабочего дня и увеличении заработной платы, об ограждении ее от конъюнктурных колебаний и предпринимательского произвола посредством введения во всех отраслях и признания предпринимателями единообразных тарифов заработной платы по каждой профессии и специальности—самое жгучее требование в условиях крайне неоднородной структуры французской промышленности, открывавшей простор предпринимательскому произволу в оплате труда рабочих однородных профессий и квалификаций. Но было выдвинуто и новое требование о контроле рабочих представителей за наймом и увольнением рабочей силы на предприятиях с целью ограничить и в этой области предпринимательский произвол и найти новое средство борьбы с безработицей среди кадровых рабочих данной профессии путем недопущения хозяйского найма «от ворот».

Самым знаменательным было то, что все рабочие требования объединялись двумя: «правом на труд» и «организацией труда». Эти основные лозунги рабочего движения 1848 г. вобрали в себя традиционные требования предшествующего периода, но не ограничивались ими и шли дальше.

Две формулы утопического социализма, фурьеристская формула «права на труд» и сен-симонистская по происхождению формула «организации труда», не случайно вошли в плоть и кровь рабочего сознания в 1848 г. Они выражали смутно сознаваемые, затаенные, но неизбывные чаяния, которые утопический социализм сам почерпнул в родниках рабочей мысли, чтобы затем дать им различные обоснования в своих концепциях. Мартен Надо, старый активист ремесленных корпораций, понимал, что стояло за всеми рабочими требованиями к предпринимателям: «никогда еще рабочие не принимали таких прямых мер, чтобы покончить с системой наемного труда»¹².

⁹ *Gossez R. Op. cit.*, p. 67.

¹⁰ *Ibidem*.

¹¹ *Ibid.*, p. 139, 141, 189.

¹² *Nadaud M. Mémoires de Léonard*. Paris, 1848, p. 196.

Обе формулы сцеплялись и между ними возникала неразрывная логическая связь. Такой связи и сцепления невозможно понять, если сводить содержание «права на труд» только к борьбе с безработицей, к предоставлению безработным работы, к установлению обязательной помощи им со стороны общества, к идее социального страхования от безработицы. Все это, конечно, содержалось в формуле «права на труд», и ее популярность в рабочих массах в немалой степени подогревалась нараставшими вместе с развитием капитализма и промышленной революции во Франции бедствиями пролетариата от периодических экономических кризисов и непрерывного разрастания резервной армии труда.

Тем не менее явным искажением смысла «организации труда» 1848 г. было утверждение, скажем, бывшего сенсимониста Лабуле, превратившегося, подобно многим своим единомышленникам, в промышленного предпринимателя, который доказывал, что формула «организации труда», явившаяся после Февральской революции «кличем трудящихся классов», ставших после долгих страданий «владыками власти», и «резюмировавшая все их стремления», означала лишь повторение лионского девиза «жить работая»¹³. Парижские рабочие понимали в 1848 г. «право на труд» уже не только как предоставление работы, но и как создание работы — как создание такого экономического строя, который предоставит рабочему работу, и не просто работу, «чтобы жить», а работу, отвечающую профессии, способностям и квалификации рабочего и обеспечивающую тем самым благоденствие рабочему человеку.

«Организация труда» выражала эту мысль о необходимости системы хозяйства, формы производства и трудовых отношений, которые ведут к исчезновению самой угрозы безработицы, к постоянному наличию работы, отвечающей потребности рабочего.

Поэтому «право на труд» и «организация труда» с жизненной для рабочего очевидностью выводили требуемые социальные преобразования за рамки частнособственнического предпринимательства. Для подобной «организации труда» необходимо было заменить волчью систему беспощадной конкуренции и эксплуатации труда в целях наживы системой, основанной на общем экономическом сотрудничестве в интересах благосостояния трудящихся масс народа. Имея в виду эту внутреннюю мысль, наличествующую в лозунге «право на труд», К. Маркс считал, что здесь просматривается «первая неуклюжая формула, в которой резюмируются революционные требования пролетариата»¹⁴. Ленин также расценивал «право на труд» как смутное выражение задач «социалистической революции, которая была невозможна во Франции в половине прошлого века»¹⁵. Ленин глубоко расшифровал эту смутную социалистическую мысль, говоря о том, что «право на труд французского рабочего половины XIX века выражало пожелание обновить *все* мелкое производство на началах кооперации, социализма и проч., а это было *экономически* невозможно»¹⁶.

В «праве на труд» 1848 г. Ленин вскрывал прежде всего утопизм «ложной социалистической теории», иллюзии умозрительных конструкций утопического и мелкобуржуазного социализма, общей чертой которых было непонимание исторической закономерности созданной капитализмом «организации труда» и неосуществимости «права на труд» в условиях господства стихийной конкуренции десятков тысяч самостоятельных капиталистических предприятий и хозяйчиков, делавшей неизбежной безграничную анархию производства, равно как непонимание закономерностей классовой борьбы пролетариата, необходимой для замены капитали-

¹³ *Labouley Ch. Organisation du travail. De la démocratie industrielle. Etude sur l'organisation française.* Paris, 1848, p. 226.

¹⁴ *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 7, с. 40.

¹⁵ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 16, с. 378.

¹⁶ Там же.

стической «организации труда» социалистической. Но как всегда в истории утопизм, преломленный в движении и требованиях масс, приобретал некоторое своеобразие по сравнению с утопизмом ложной теории. Теория эта, выходя из книг и кабинетов на улицу, приобретала новый облик. В этом отношении «практический социализм» 1848 г. заметно отличался от «концептуального», от доктринерских систем эпигонского утопического социализма.

Ф. Энгельс подметил это своеобразие формулы «права на труд» в устах рабочих в 1848 г.: «Парижские рабочие 1848 г., имевшие самые смутные представления в теоретических вопросах, поверили в нее, потому что она выглядела такой практичной, далекой от утопизма и так легко осуществимой»¹⁷. С наибольшей очевидностью сказывалось это в представлениях о конкретных формах «организации труда». В рабочей среде господствовало иллюзорное представление о том, что база новых отношений труда и капитала найдена в производственной «ассоциации», которая, как представлялось рабочим, уничтожает рабское подчинение пролетариата буржуазии и создает осязательную возможность взять дело «организации труда» в рабочие руки. Не случайно идея ассоциации была самой распространенной в рабочем движении первой половины XIX в. и довела над ним многие десятилетия, отражая целый исторический этап созревания классового сознания пролетариата. Идея ассоциации носила печать тех исторических условий, в которых формировалось это сознание, так же как печать незрелых представлений об общественном строе, который должен прийти на смену капитализму.

С одной стороны, в идее «ассоциации» заложена была надежда на возвращение самостоятельности, достоинства и социальных прав производителя, воплощая чаяния и ностальгию ремесленного рабочего, тоскующего по прошлому, по положению и перспективам независимого хозяйчика, а также умонастроения рабочего, неприемлющего сопутствующего крупной промышленности «единовластия фабричного режима»¹⁸.

С другой стороны, ассоциационистская идея отвечала важнейшей потребности рабочего уверовать в собственные силы и возможности и не подчиняться деспотическому всевластию капитала. Маркс видел в производственных ассоциациях, в кооперативных фабриках значительную победу «политической экономии труда над политической экономией собственности»¹⁹. Но притом идея «ассоциации», не выходящей за круг усилий отдельных рабочих коллективов, порождала новые иллюзии о возможности мирного коренного переустройства капиталистического общества, утопические надежды на освобождение рабочих от капиталистической эксплуатации посредством соглашений с предпринимателями. Порождалась соблазнительная и по существу мелкобуржуазная утопическая конструкция о возможности придать самому сотрудничеству пролетариата с буржуазией антикапиталистическую направленность.

Присмотримся к новым вариациям «антикапиталистических» ассоциаций, которые порождала в рабочей среде Февральская революция. В ассоциационистских проектах этого периода современники обычно перечисляли три вида ассоциаций, питавшиеся лублановскими идеями:

ассоциации рабочих мелких предприятий для совместного с владельцами и равноправного участия в руководстве производством, в найме и увольнении рабочей силы и распределении прибыли предприятия;

ассоциации многочисленных мелких однородных предприятий для устранения их взаимной конкуренции, для дружеского сотрудничества и снижения экономических издержек производства и сбыта в целях успешной конкуренции с крупными капиталистическими предприятиями;

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 131.

¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 512.

¹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 9.

ассоциации рабочих одной или смежных профессий, объединяющихся и берущих подряды на выполнение государственных и муниципальных заказов по изготовлению различных изделий либо по выполнению различных общественных работ и услуг населению.

Но было бы упрощением подгонять диаграмму ассоциационистских проектов 1848 г. под эту схему. Р. Госсэ напрасно соглашается с утверждением, будто между рабочими воззрениями на ассоциации и социалистическими ассоциационистскими идеями были принципиальное расхождение и разрыв, поскольку рабочие видели в ассоциациях форму сотрудничества труда и капитала, а не того уничтожения последнего, какой имели в виду социалисты²⁰. В действительности революция 1848 г. дала старому ассоциационистскому стволу новые зеленеющие ветви, обладавшие жизненными соками.

В рабочих мыслях об «ассоциациях» вызревали навеянные экономическим кризисом и безработицей проекты превращения в «ассоциации» предприятий, которые закрываются хозяевами по причине либо под предлогом экономических затруднений. Рабочие мысли шли к тому, чтобы государство в подобных случаях брало в свои руки предприятия, закрываемые владельцами, и передавало их для дальнейшей эксплуатации рабочим ассоциациям, работающим под контролем государства. Более радикальным вариантом таких создаваемых с помощью государства «ассоциаций» были проекты создания в каждой отрасли промышленности «национальных мастерских» для безработных как головной и руководящей «ассоциации» данной отрасли.

Отсюда был один шаг до «практической идеи» о возможности превращения в «ассоциации» целых рабочих коллективов предприятия, которые возьмут его в «аренду» у владельца и будут выполнять, по договору с предпринимателем, производственные заказы с помощью орудий производства и сырья, предоставляемых собственником предприятия, но без его непосредственного вмешательства в управление производством. Последнее должно осуществляться такой рабочей «ассоциацией» самостоятельно, так же как «ассоциация» самостоятельно распределит свою долю прибыли от предприятия среди своих рабочих членов. Эта идея, являвшаяся плодом переработки в рабочем сознании лублановских проектов «организации труда», начала было практически осуществляться на нескольких крупных предприятиях Парижа в февральский период.

Казалось бы, условия такой «ассоциации» легче всего могли быть реализованы на предприятиях ручного труда, однако симптоматично, что проекты этих «подрядных ассоциаций» получали наибольший отклик у рабочих крупного механизированного производства. При объяснении этого следует иметь в виду, что сама идея подобной «ассоциации», коллективной рабочей аренды предприятия у владельца могла получить притягательную силу на той стадии промышленной революции, когда уровень применения машинной техники не был еще настолько связан с монополией знаний в области технических наук, чтобы исключить уверенность квалифицированных рабочих в способности вести производственный процесс с помощью их собственного опыта и без инженерного руководства. Естественно, что главными носителями такой уверенности были рабочие-металлисты и машиностроители. Подтверждалось наблюдение, высказанное тогда же одним парижским предпринимателем, свидетелевавшим, что «самым живым и самым интеллигентным» слоем рабочего люда столицы «является тот, который работает с железом»²¹.

Дело было, разумеется, не только в том, что «работа с железом» требует от рабочего повышенных знаний и общего развития. Сказывалась и некоторая структурная особенность рабочих этой отрасли в Париже,

²⁰ *Gossez R. Op. cit., p. 61.*

²¹ *Granger Ed., manufacturier. Pacte industriel. Système sur l'organisation des travailleurs. Paris, 1848.*

где заметный рост транспортного и общего машиностроения в 40-х годах XIX в. вел к усиленному притоку из провинции, как правильно заметил Р. Госсэ, «рабочей элиты» из ремесленников и рабочих, занятых в соответствующих мастерских и мелких предприятиях провинции.

Конечно, этот тип производственной «ассоциации», отвечая рабочему стремлению наладить промышленное производство без хозяев, таил в себе также тенденцию вырождения «ассоциации» в коллективное частное предпринимательство. Тем большее значение приобретает в наших глазах то обстоятельство, что подобное толкование «организации труда» с помощью «ассоциации» не исчерпывало полностью направление мысли передовых элементов рабочего класса. В их упованиях на ассоциации прорезались и иные идейные построения, характерные для созревающего классового сознания пролетариата.

Новые тенденции можно было разглядеть, например, в выступлениях рабочих железнодорожных мастерских Северной железной дороги — самого боевого отряда парижского пролетариата в 1848 г.

Бастовавшие с конца февраля 1848 г. машинисты и рабочие этих мастерских добились 7 марта 1848 г. подписания администрацией соглашения о пересмотре и повышении тарифов оплаты труда и об ограничении рабочего дня до 9 часов. Одновременно по этому соглашению служба тяги железной дороги должна была преобразоваться в «ассоциацию», которая брала на себя выполнение ряда работ этой службы. Железнодорожная компания обязывалась предоставить этой «ассоциации» свои мастерские, машины и орудия труда, авансировать сырьевые и вспомогательные материалы и заработную плату рабочим. Создавалась паритетная комиссия, ведавшая соглашениями с группами рабочих определенной профессии, берущими на себя выполнение отдельных работ. Прибыли «ассоциации» поступали частично в фонд помощи рабочим при болезнях и производственных травмах, остальная же часть прибыли шла на распределение между всеми участниками «ассоциации»²².

Но в своих идеях «организации труда» рабочие-железнодорожники на этом не остановились. Рабочие железнодорожных мастерских многократно давали решительный отпор попыткам дирекции Северной железной дороги сорвать это соглашение об «ассоциации» с помощью ссылок на растущую убыточность железной дороги из-за обострения экономического кризиса после Февральской революции. Когда компания Северной железной дороги, сославшись на катастрофическое падение курса своих акций вследствие слухов о намерении Временного правительства провести национализацию железных дорог и на невозможность покрыть образовавшуюся у компании задолженность государству, объявила о предстоящем увольнении 700—800 рабочих, организация рабочих-железнодорожников бурно воспротивилась этому увольнению. Железнодорожники угрожали новой всеобщей стачкой и при этом решительно поддержали проект национализации железной дороги. Впоследствии, при подавлении июньского восстания, правительственный официоз не преминул напомнить, что один из бланкистски настроенных руководителей железнодорожников, Шомон, тогда же, в апреле 1848 г., заявил представителям Временного правитель-

²² Аналогичная «ассоциация» была создана в конце марта 1848 г. в Париже на машиностроительном предприятии Дерона и Кайля, где в начале марта вспыхнула забастовка рабочих-механиков, требовавших введения 9-часового рабочего дня, с тем «чтобы предоставить работу наибольшему числу безработных» рабочих той же профессии и «чтобы иметь необходимое время для собственного просвещения». После личного вмешательства Луи Блана, занявшегося люксембургским арбитражем на этом предприятии и уговором забастовщиков, последние прекратили забастовку при условии образования на предприятии «ассоциации», статут которой был подписан владельцем и делегатами от рабочего персонала. Эта «ассоциация» также брала на себя выполнение всех производственных работ по заказу предпринимателя, для чего вступала с ним в договорные отношения, обеспечивавшие ей самостоятельность и участие в прибылях («*Moniteur Universel*», 26 mars 1848).

ства, что «рабочие предпочли бы зарабатывать вдвое меньше вместе с государством, чем вдвое больше вместе с железнодорожными компаниями»²³.

В этой выразительной, хотя и корявой, формулировке заговорила пролетарская логика антикапиталистической «организации труда». Она толкала мысль передовых рабочих к осознанию, через промежуточное звено арендной «ассоциации», необходимости обобществления средств производства путем национализации, как единственного эффективного средства покончить с капиталистическим диктатом, распоряжающимся жизненными судьбами рабочих²⁴.

Эти редкие случаи, когда «ассоциации» создавались не для сотрудничества, а скорее для борьбы с предпринимателями, не могли изменить отличительных закономерностей развития классового сознания пролетариата. Революция 1848 г. еще раз показала, что развитие это происходит по-разному в сферах экономического сознания и сознания политического: первое развивается быстрее, второе значительно медленнее; первое могло расти со стихийной силой изнутри самого рабочего движения, тогда как классовое сознание в сфере политической борьбы, особенно при выработке тактики и стратегии борьбы за власть, могло быть внесено в рабочие массы лишь революционным авангардом, вооруженным передовой революционной теорией. Отсутствие такого сплоченного и организованного пролетарского авангарда приводило к тому, что иллюзорные ассоциационистские идеи зазвучали в унисон с характерным для февральского периода стремлением пролетариата «отстаивать свои интересы *наряду* с буржуазными интересами вместо того, чтобы выдвигать их в качестве революционного интереса самого общества»²⁵.

Это умонастроение рабочих, питавшее расцвет иллюзий (поскольку рабочие совершили Февральскую революцию сообща с буржуазией, они могут теперь отстоять и свои интересы рядом с буржуазией), открывало возможность обрушить на сознание рабочего класса лавину рецептов буржуазного и мелкобуржуазного социализма относительно «ассоциации» труда и капитала. Поток этих рецептов во сто крат умножил каналы влияния мелкобуржуазного социализма на рабочий класс.

Революция 1848 г. явилась новым генератором этих традиционных идей, наполнивших утопический социализм буржуазно-демократическим содержанием.

При всем том бросается в глаза, что поток таких иллюзий разливался уже не в быстрине общественной мысли своего времени. Безошибочным признаком идейного оскудения утопического социализма, приближавше-

²³ «Moniteur Universel», 24 juin 1848.

²⁴ Г. И. Чавка, автор полезной фактическими данными и справками статьи по истории создания Люксембургской комиссии, бесосновательно причисляет «ассоциацию» коллективной рабочей аренды предприятия у владельца к тому «маршандажу» (сдача с торгов некоторых работ мелким подрядчикам, которые нанимали от себя уже рабочих и жестоко эксплуатировали их), немедленного уничтожения которого требовали парижские рабочие после Февральской революции. Автор статьи ссылается на то, что Луи Блан, восторгавшийся «арендными ассоциациями», помог сохранить этот вид «маршандажа», и делает отсюда вывод об ошибочности обычных утверждений исторической литературы о том, что в 1848 г. «маршандаж» был по требованию рабочих запрещен (см.: Чавка Г. И. Луи Блан и образование Люксембургской комиссии.— «Ученые записки Чувашского педагогического института», 1958, вып. 8, с. 92). Во всем этом рассуждении утрачивается понимание действительных причин традиционной ненависти парижских рабочих к «маршандажу», в котором рабочие справедливо усматривали самую brutальную и циничную форму эксплуатации случайно подвернувшихся рабочих хищниками подрядчиками. Ни один из этих признаков нельзя распространять на интересующие нас «арендные ассоциации». Было бы наивно относить к «маршандажу» по формальному признаку «аренды» подобные рабочие ассоциации, которых добивались в острой борьбе с предпринимателями передовые элементы парижского пролетариата после того, как они заставили Временное правитель-

²⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 17.

гося к своему банкротству, было то, что кратковременный расцвет всех его буржуазных иллюзий о социализме не приводил к новому теоретическому наполнению соответствующих построений мысли. Характерно, что в течение всего революционного периода 1848—1851 гг. во Франции не сформировались какие-либо новые, оригинальные системы утопического социализма. Теоретическая мысль его многочисленных направлений не шагнула вперед, и в сущности имели место лишь перепевы сложившихся эпигонских теорий, развитие по кругу их обветшалых доктрин, достройка догматических сооружений на прежней концептуальной основе.

Потребность в этой достройке порождалась самой Февральской революцией, сделавшей необходимым перевести умозрительные системы на язык проектов, пригодных для немедленного практического осуществления. Не забудем, что большинство социалистических школ и течений ошибочно принимало завоеванную парижским пролетариатом демократическую республику, обставленную социальными учреждениями, за начало и приступ к социалистическому преобразованию общества.

Февральская революция 1848 г. заставила все течения тогдашнего французского социализма взглянуть на свои коренные проблемы в этой новой плоскости. Результаты такого поворота к «практическому социализму» выглядели для них далеко не одинаковыми. Наполнение «социализма 48 года» буржуазно-демократическим содержанием оказалось безрезультатным для фурьеристской «социетарной школы», которая при всей своей активности в годы революции тогда же сошла со сцены. Бессильны были оживить себя, несмотря на все беспорочное влияние сенсимонистских идей, и раскрошившиеся остатки сенсимонизма — мистический социализм П. Леру, осколки религиозного «рабочего сенсимонизма» и крохоборческий буржуазный ассоциационизм «католического социализма», действовавшего в среде ремесленной рабочей аристократии.

К такому же банкротству приводила эволюция «икарийского коммунизма» Кабе, который после Февральской революции сводил все требования «икарийцев» к реформистской программе «принятия демократической системы постепенно уменьшающегося неравенства и постепенно нарастающего равенства»²⁶.

С своеобразным дополнением всех операций по наполнению «социализма 48 года» буржуазным содержанием выступил Прудон, который явил в реформаторских проектах после Февральской революции своего рода «боксовое зрение» мелкобуржуазного социализма, добиваясь политики «успокоения буржуазии» и выдвигая в противовес лублановским рецептам свой план экономического сотрудничества труда и капитала и преодоления экономического кризиса посредством реформы обращения и кредита на основе принципов безденежного «эквивалентного обмена» и дарового кредита.

В этих условиях наиболее широкую почву находили в умонастроениях пролетариата в 1848 г. идеи «государственного социализма» Луи Блана, К. Пеккёра и других мелкобуржуазных социалистов, делавших в своих рецептах «организации труда» ставку на демократическую республику, как «банкира для бедных», как организатора и покровителя «производительных ассоциаций», в которых осуществится успешное сотрудничество пролетариата и буржуазии, ведущее к постепенному мирному преобразованию капиталистического общества в социалистическое.

Такие идеи в наибольшей мере отвечали на упования «практического социализма» рабочих масс после Февральской революции. При всей силе иллюзий относительно новых взаимоотношений труда и капитала, порожденных победой рабочих в февральские дни, жизненный опыт все же пас-

²⁶ См. прокламацию Кабе к икарийским коммунистам от 25 февраля 1848. Цит. по: *Стеин Д.* История революции 1848 г. Приложение «Исторические документы». СПб., 1907, т. 2, с. 420.

тойчиво²⁷ подсказывал пролетариату опасения насчет того, как может сложиться реальное соотношение сил сторон при их сотрудничестве в «ассоциациях». Рабочие видели выход в помощи пролетариату со стороны государства. Через все рабочие требования социальных реформ и через большинство рабочих проектов «организации труда» проходило красной нитью требование энергичного государственного законодательства в интересах рабочих, государственной помощи рабочему классу, государственной политики всемерного благоприятствования рабочим «ассоциациям», их государственной поддержки²⁷.

Такое направление рабочей мысли подтверждал и опыт Люксембургской комиссии.

II

На редких пленарных заседаниях Люксембургской комиссии, состоявшей из представителей от рабочих и предпринимателей и приглашенных буржуазных экономистов и социалистических теоретиков — К. Пеккёра, Ф. Видаля, П. Леру, В. Консидерана и других, Луи Блан излагал свои идеи «организации труда». Эти же идеи лежали в основе той деятельности, которую Люксембургская комиссия развернула в качестве посредницы в трудовых конфликтах между рабочими и предпринимателями.

Люксембургская комиссия проявила также инициативу в организации нескольких десятков рабочих производительных ассоциаций, которым, по настоянию Луи Блана, правительство и парижский муниципалитет предоставляли заказы и выдавали ссуды. Ассоциации эти объединяли главным образом ремесленных рабочих, страдавших от безработицы. Так были созданы очень крупная ассоциация портных, занявшая помещение бывшей долговой тюрьмы Клиши, ассоциации рабочих седельщиков, прядильщиков и др.

Кроме приглашенных персонально социалистических теоретиков и экономистов, в Люксембургскую комиссию входили выборные делегаты от парижских рабочих и предпринимателей. От последних был выбран 231 делегат, представлявший 77 отраслей парижской промышленности.

Делегаты от рабочих, по три человека от каждой профессии, избирались собраниями по профессиям, созывавшимися на площадях, либо на крупных предприятиях столицы. На рабочих собраниях в течение марта, а частью и в апреле 1848 г., были избраны 699 люксембургских рабочих делегатов.

Люксембургские рабочие делегаты явились организующим центром парижского пролетариата, они олицетворяли живую связь между различными профессиональными категориями и впервые установили устойчивые контакты между ремесленными, мануфактурными и индустриальными прослойками рабочего Парижа.

Таким образом, возникла первая массовая общепарижская организация, сыгравшая важную роль в истории французского рабочего движения.

Состав люксембургских делегатов отличался той же неоднородностью, что и сама парижская промышленность. В составе рабочих делегатов пре-

²⁷ В составленном административным секретарем Люксембургской комиссии «Кратком обзоре» содержания рабочих петиций, адресованных Люксембургской комиссии из всех отраслей французской промышленности, указывалось, что 119 петиций из 100 отраслей промышленности требовали государственного, административного либо законодательного вмешательства во все вопросы охраны труда и «организации труда» (*Gossez R. Op. cit.*, p. 61—65). В своих воспоминаниях один из вожаков лионских рабочих в 1848 г., Ж. Бенуа, засвидетельствовал, что если бы собрать воедино тогдашние мысли, высказывания, проекты, опасения и споры среди лионских рабочих, то «увидели бы, что повсеместно господствующей и неоспоримой идеей было вмешательство государства в эти предложения и различные проекты» (*Benoit Joseph. Confessions d'un prolétaire. Paris, 1965, p. 102*). То же подтверждал и Прудон, заполнивший в марте 1848 г. свои «Carnets» горестными записями о том, что его идеи не находят отклика: «намерены свести все к государству», «везде берет верх идея все сделать через государство...» (*Carnets de P. J. Proudhon, vol. 3. Paris, 1968, p. 21, 47*).

обладали представители мелких мастерских и предприятий, в особенности конфекционной и мебельной промышленности, ювелирного дела и производства предметов роскоши, а также представители самых многочисленных в Париже строительных рабочих профессий. Такое представительство носило весьма дробный характер: выбирались делегаты отдельно от портных, закройщиков, позументчиков, трикотажников, шляпниц, пуговичников, щеточников, изготовителей шалей, красильщиков тканей, ткачей шелка, жестянщиков, фонаричков, столяров, краснодеревщиков, полировщиков мебели, бондарей, сапожников, рабочих по изготовлению роялей и т. д. и т. п. Эту дробность и разобщенность делегатов еще более усиливала территориальный признак их корпораций, например, представители каменотесов выбирались по отдельности от корпораций разных районов города и пригородов. Значительное число делегатов представляли отрасли коммунального хозяйства столицы, общественных служб, общественного транспорта, почты, ресторанного дела. В отдельных случаях среди делегатов попадались и владельцы мелких мастерских, которых рабочие соответствующих профессий избирали своими делегатами.

Вместе с тем в составе люксембургских делегатов можно было заметить новую поросль — представителей фабрично-заводской промышленности, делегатов от машиностроительного предприятия Дерона — Кайль, от завода Троншон в Сен-Клу, от железнодорожных мастерских и машинистов Северной железной дороги (линии Париж — Лилль) и других тогдашних крупных предприятий Парижа. Представительство и здесь носило сугубо профессиональный характер: в пределах одного предприятия выбирались отдельно представители от кузнецов, сборщиков машин, механиков, токарей, слесарей, такелажников, сцепщиков вагонов, дорожных рабочих и т. д.

Опорой Люксембургской комиссии были главным образом квалифицированные рабочие ремесленного и мануфактурного типа, и делегаты представляли преимущественно передовые слои этих рабочих. Собрания, избиравшие люксембургских делегатов, выдвигали их, как правило, из числа активистов рабочих организаций времен Июльской монархии, обществ взаимопомощи, благотворительных и культурно-просветительных обществ и т. д. Среди делегатов были и некоторые руководители рабочих стачек и участники тайных революционных организаций этого периода и вожаки баррикадных боев февральских дней и другие революционные элементы пролетарского авангарда, избравшиеся преимущественно от индустриальных предприятий и железнодорожников.

Следует подчеркнуть, что деятельность рабочих делегатов Люксембургской комиссии нисколько не отвечала этикетке «рабочий парламент». Пущенное в ход Луи Бланом из демагогических соображений, это прозвище не подтверждалось действительной ролью, отводившейся рабочим делегатам в Люксембургском дворце.

Руководители Люксембургской комиссии держали рабочих делегатов в стороне от обсуждения по существу разработывавшегося проекта решения социального вопроса. По предложению Луи Блана из трех рабочих делегатов от каждой профессии только один привлекался к «внутренней работе» Люксембургской комиссии, остальные двое должны были ограничиваться участием в созывавшихся изредка общих собраниях комиссии. Вскоре и этот круг участников «внутренней работы» Люксембургской комиссии был еще более сужен — до 10 представителей от предпринимателей и 10 представителей от рабочих делегатов, состав которых определен был жребием, что только подчеркнуло формальный характер их «участия»²⁸. Заседания этой «двадцатки», происходившие при закрытых

²⁸ Волей жребия рабочий «комитет 10» состоял из пуговичника, оружейника, изготовителя шпор, булочника, плотника, столяра, владельца шалево-мастерской, бондаря, литейщика и кровельщика.

дверях, никогда не предавались гласности. Совместных заседаний делегатов от рабочих и предпринимателей вовсе не было, а общих собраний рабочих делегатов было за все время шесть. Фактически вся разработка люксембургского проекта сосредоточилась в руках Луи Блана, К. Пеккёра и Ф. Видаля, а дискуссии по этим вопросам замыкались в кругу нескольких привлеченных теоретиков мелкобуржуазного социализма и буржуазных экономистов²⁹.

Значительно большая роль отводилась рабочим делегатам в практическом осуществлении люксембургского арбитража в целях полюбовной ликвидации стачечных выступлений рабочих, а также в создании производительных рабочих ассоциаций.

В среде люксембургских рабочих делегатов можно было различить и преобладающее лублановское влияние и влияние других течений утопического и мелкобуржуазного социализма. Наибольшее внимание историков-марксистов привлекут сохранившиеся следы влияния бланкистского Центрального республиканского общества. Течение это представлено было, как видно, в первую очередь делегатами от железнодорожников и машинистов Северной железной дороги, возглавлявших борьбу за 9-часовой рабочий день и тарифное соглашение с администрацией этой железной дороги³⁰.

Знаменательно, что стремления Луи Блана удержать делегатов в рамках экономизма, посредничества в трудовых конфликтах и проектах «организации труда» через ассоциации не увенчались успехом. Политическая природа рабочего движения и быстро растущее в революционное время политическое сознание рабочего актива взяли верх над всем люксембургским «экономизмом».

Первым серьезным прорывом люксембургских делегатов в политическую деятельность явилась борьба за отсрочку выборов в Учредительное собрание, которое Временное правительство поспешило назначить на 9 апреля 1848 г., чтобы ускорить учреждение буржуазной республики и освобождение от социальных обязательств февральских дней, данных пролетариату.

Тревога, поднятая клубом Бланки и другими передовыми демократическими организациями и клубами относительно грозящей революции опасности от таких успешных выборов, прежде чем будет элементарно просвещена масса населения, которую господствующие классы десятилетиями держали в отупении и темноте, нашла немедленный отклик в рабочих корпорациях, в первую очередь у железнодорожников и котельщиков. Несомненно, немалую роль играло здесь то обстоятельство, что вожаки железнодорожников, в первую очередь Лавуа, имели связи с бланкистами. В марте месяце О. Бланки был приглашен на собрание рабочих Северной железной дороги для выступления по вопросу о выборах в Учредительное собрание. Революционные настроения слушавших его рабочих прорывались на собрании, где присутствовало около 1300 человек. Когда зашла речь о борьбе железнодорожников за 9-часовой рабочий день и Бланки советовал своим слушателям добиваться законодательного оформления такого требования через Учредительное собрание, поскольку оно будет менее подвержено враждебному влиянию, чем Вре-

²⁹ В письме 1852 г. по этому вопросу к историку революции 1848 г. Д. Стерну Луи Блан подтвердил, что люксембургские социальные проекты вырабатывались на особых встречах и совещаниях его с Пеккёром, Видалем, Альбером и экономистом Дюпон-Уайтом; после дискуссий между ними принимались решения, которые поручалось отредактировать Ф. Видалю (*Jacques de Vier*. Daniel Stern. *Lettres républicaines du Second Empire*. Documents inédits. Paris, 1951, p. 76—77).

³⁰ К сожалению, Р. Госсэ в своем исследовании не уделил специального внимания этому интереснейшему вопросу и привел лишь скудные разрозненные данные. Надо надеяться, что тщательное обследование правительственных, парламентских и полицейских архивов Второй республики позволит выявить материалы, способные дать более полное представление об этой важнейшей новой странице в истории рабочего движения в Париже в 1848 г.

менное правительство, железнодорожники ответили Бланки решительными репликами: «Если Учредительное собрание окажется нехорошим, то мы низвергнем его»³¹. Луи Блан, конечно, мог с полным основанием утверждать впоследствии, что «между г-ном Бланки и Люксембургской комиссией никогда не было ничего общего»³², но утверждение его скорее предназначено было закрыть другую половину вопроса — о бланкистских связях и влияниях среди части люксембургских рабочих делегатов.

Именно рабочим делегатам от завода Дерона и Кайля и железнодорожников Древе, Колену и Лавуа и бланкисту Бенжамену Флоту, люксембургскому делегату и председателю корпорации поваров, принадлежала инициатива организации выступления парижских рабочих с требованием отсрочки выборов в Учредительное собрание. Луи Блан должен был согласиться с проведением такой демонстрации перед лицом того факта, что мысль о демонстрации уже подняла на ноги большинство люксембургских делегатов. Под их руководством рабочие корпорации вывели 17 марта на демонстрацию свыше 100 тыс. человек, что равнозначно было почти всеобщей забастовке в столице.

Когда на следующий день в парижской печати появились многочисленные комментарии, оценивавшие эту демонстрацию как дело рук самого Луи Блана, который расстроил замыслы Бланки провести с помощью демонстрации «чистку» Временного правительства от буржуазно-умеренных элементов и смог благодаря своей популярности в массах повернуть демонстрацию на поддержку Временного правительства, в газете «*La Voix des Clubs*» был опубликован выразительный протест названных люксембургских делегатов-бланкистов против попыток принизить самостоятельность рабочего выступления 17 марта. Древе, Колен и Лавуа писали в своем протесте: «Если некоторые гордецы захотели присвоить себе славу руководства нами в этом движении, можно было бы доказать им, что рабочий класс, каким бы непросвещенным он им ни казался, достаточно вырос из пеленок, чтобы обходиться без опекунов... Мы протестуем против всякого чуждого нашему убеждению влияния, ибо мы полны решимости не признавать никаких руководителей, кроме тех, которых мы законным образом сами себе даем»³³. Программа ближайших действий этой группы люксембургских делегатов была выражена здесь глухим намеком, но протестующее их выступление в печати было знаменательным фактом, дающим историку основание усомниться в последующих уверениях Луи Блана, будто доверие к нему люксембургских рабочих делегатов «оставалось до конца неизблемым»³⁴.

Неудовлетворительные результаты демонстрации 17 марта не только не свернули политической активности люксембургских делегатов, но еще более прищипорили ее, подсказав мысль о необходимости поднять саму организацию рабочих делегатов на новый уровень, определявший потребности политической борьбы. Инициатива снова исходила от группы делегатов крупных предприятий и железнодорожных мастерских. Они теперь именовали себя «главными делегатами при Временном правительстве по организации труда» и 18 марта самочинно образовали Временное бюро Центрального комитета рабочих департамента Сена, возглавлявшееся теми же Лавуа, Древе и Коленом. После созданного 27 марта 1848 г. общего собрания люксембургских рабочих делегатов это бюро превратилось в выборный орган с отчетливо выраженными политическими функциями — Центральный комитет рабочих делегатов Сены (люк-

³¹ Этот факт приводился в показаниях на буржском судебном процессе над Бланки, Барбесом и другими в марте 1849 г. («*Gazette des Tribunaux*», 24 mars 1849).

³² *Histoire de la Révolution de 1848*, par Louis Blanc, t. II. Paris, 1870 (рус. пер.: Блан Луи. История революции 1848 г. СПб., 1907, с. 362).

³³ «*La Voix des Clubs*», 18 mars 1848.

³⁴ *Histoire de la Révolution de 1848*, par Louis Blanc, t. I. Paris, 1870, p. 180 (рус. пер., с. 204).

сембургских делегатов) во главе с бюро из 9 человек³⁵. Этот акт сопровождался опубликованием руководящим органом люксембургских рабочих делегатов программных документов многозначительного содержания: обращения люксембургских рабочих делегатов к «своим доверителям» и «учредительного регламента» самого ЦК.

В обращении к рабочим Парижа Центральный комитет рабочих делегатов Сены подчеркнуто указывал на то, что «буржуазия, которая уже пятьдесят лет пользуется монополией прессы и трибуны», может и сегодня, «хотя она и слаба», добиться «своего господства над нами», действуя единым фронтом и сосредоточивая голос на своих кандидатах в учредительное собрание. Поэтому «самое верное средство расстроить ее заговор и обеспечить триумф революции состоит в том, чтобы безотлагательно придать нам единство, унитарную организацию». Исходя из этого учредительный регламент формулировал цель ЦК рабочих делегатов Сены следующим образом: «обеспечить сохранение народной республики, придав централизацию и единое руководство рабочим, которые были до сих пор осуждены на изоляцию»³⁶. В учредительном регламенте раскрывался замысел слить воедино в новой форме организации люксембургских рабочих делегатов и экономическую и политическую борьбу: каждая рабочая профессия призывалась образовать свой «особый комитет», заботам которого поручались «специальные интересы данной профессии». Каждый такой комитет будет состоять в постоянной связи с ЦК рабочих делегатов Сены, «выполнение решений которого он возьмет на себя». Кроме того, каждая рабочая профессия должна была самообложить себя особыми ежемесячными взносами в денежный фонд, который будет постоянно в распоряжении ЦК рабочих делегатов Сены. В довершение ЦК рабочих делегатов Сены возвещал о своем намерении обратиться с «циркулярами», которые призывают рабочих во всех департаментах организоваться «на манер рабочих департамента Сены». В этой связи ЦК обращался ко всем рабочим организациям столицы с просьбой доставить ему адреса своих корреспондентов в провинции.

Учредительный регламент делал упор на отборе кандидатов от рабочих на предстоящих выборах в Учредительное собрание. Он предвидел опасность возникновения острого соперничества между отдельными корпоративными рабочими организациями при выставлении кандидатов и вводил следующую процедуру. Кандидаты каждой профессиональной корпорации должны обязательно иметь рекомендацию своих «специальных комитетов» или же люксембургских делегатов от данной профессии. После этого ЦК рабочих делегатов Сены изучит кандидатов, которые будут ему рекомендованы, и потребует от каждого из них изложения своих убеждений («une profession de foi») прежде чем включить их в свой список. Окончательное решение о принятии или отклонении кандидатов вынесет общее собрание люксембургских делегатов.

Организаторы ЦК рабочих делегатов Сены очевидным образом стремились создать нечто большее, чем краткосрочную избирательную организацию со сроком существования, измеряемым выборами в Учредительное собрание. Как свидетельствовали пункты регламента о ежемесячных взносах в постоянный денежный фонд этого ЦК и о намерении побудить рабочих в провинции к созданию подобных же рабочих организаций в департаментах, имелось в виду вызвать к жизни организацию более длительного характера с перспективой превращения ее в общешафранцузскую.

³⁵ В первоначальный состав входили типографский рабочий Л. Пармантье (председатель бюро), печатник В. Дюмон, механик Лавуа, котельщик Вуазен, дубильщик Лефор, шпифовщик Пети, брошюровщик Пайяр и разносчик газет Ж. Дели (*Gossez R. Op. cit.*, p. 392). Влияние бланкистских элементов в этом бюро было, как видно, более слабым и продолжало слабеть в каждом новом составе бюро.

³⁶ Эти документы цитирует Р. Госсэ (*Gossez R. Op. cit.*, p. 251 *passim*).

Речь шла по существу о более или менее целеустремленной попытке создать во Франции стабильную рабочую организацию с функциями не только профсоюзной, но и политической организации.

Можно не сомневаться, что за всем этим проглядывали замыслы и самого Луи Блана, который оставался закулисной направляющей рукой при окончательном решении вопроса об учреждении Центрального комитета рабочих делегатов Сены. Повернув эту идею в свою сторону, председатель Люксембургской комиссии намеревался использовать продемонстрированную силу института рабочих делегатов для повышения своего удельного веса в правительственной коалиции с буржуазными республиканцами правого и левого толка и одновременно использовать этот институт как инструмент личного влияния в массах и борьбы с соперничающими группировками социалистов, особенно же с революционными коммунистами.

Но существеннее было то, что идея Центрального комитета рабочих делегатов Сены нашла живой отклик в устремлениях самих люксембургских делегатов. В возникновении ЦК рабочих делегатов Сены отразилось ускорение политической активизации представляемого ими рабочего движения. Одновременно и естественно возросли эмбриональная классовая настороженность передовых элементов пролетариата, стремление их к собственным политическим действиям перед лицом консолидации антиреволюционных сил буржуазии.

И все-таки ЦК рабочих делегатов Сены являлся лишь симптомом назревавшей потребности парижских рабочих, но никак не социалистической рабочей партии, как впоследствии пытались изобразить его ревизионисты всех мастей.

Для создания рабочей партии во Франции не было в 1848 г. ни идейных предпосылок, ни созревших кадров передовых рабочих. Печать незрелости лежала и на самой мысли об объединении рабочих сил, построенном в опоре на дробные профессионально-корпоративные организации и их перегородки в рабочей массе. Главное же было в том, что люксембургские делегаты оставались в духовном плену у «надклассового социализма» лублановских идей. Политическая деятельность люксембургских делегатов подтверждала глубокую мысль Ленина о том, что мелкобуржуазная идеология, обволакивающая сознание рабочего класса, делает его «негодным к самостоятельной позиции по отношению к буржуазной демократии»³⁷.

Несмотря на все сдвиги в сознании передовых элементов парижского пролетариата, они не в состоянии были освободиться из этого идейного плена и выработать основы собственной политики в происходящей революции. Господству мелкобуржуазной идеологии в умах люксембургских рабочих делегатов не могла противостоять и небольшая группа делегатов от промышленных предприятий столицы, связанных с бланкистами. Бланкисты не только пренебрегали повседневной организаторской и агитационно-пропагандистской работой в массах, но и они не могли дать передовым рабочим эффективного идейного оружия против мелкобуржуазной идеологии лублановщины. Воззрения Бланки в социально-экономической области отличались неопределенностью и эклектичностью, они шли в русле утопических проектов «ассоциации» труда и капитала. Бланки видел в таких ассоциациях практическую форму организации хозяйства при осуществлении «общности имущества».

Идейная слабость Бланки усугублялась тем, что почти одновременно с возникновением Центрального комитета рабочих делегатов Сены из буржуазного лагеря был нанесен весьма ощутимый удар по личному авторитету Бланки. Такое совпадение не было случайным, растущее бланкистское влияние в рабочих кругах и намерение бланкистов объеди-

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 389.

нить революционные элементы пролетариата вызвали злобную тревогу Временного правительства и всех глашатаев политики классового мира. Тревогу их еще более усилили предпринятые Бланки и его клубом в конце марта 1848 г. попытки взять в свои руки дело объединения революционных коммунистов в самостоятельный Центральный избирательный комитет с отчетливо выраженной антибуржуазной программой.

В Манифесте, приглашавшем демократические клубы участвовать в создании собственного центра с собственной линией предвыборной борьбы, Бланки страстно писал: «Довольно погрешек. Мы больше не дети. Нет свободы, если нет хлеба. Нет равенства, если изобилие выставляется напоказ рядом с нищетой. Нет братства, если работница со своими голодными детьми валяется у ворот дворцов. Работы и хлеба! Существование народа не может быть отдано на милость махинаций и злой воли капиталистов»³⁸.

Именно в эти дни в недрах министерства внутренних дел, возглавлявшегося Ледрю-Ролленом, и был сфабрикован известный фальшивый «документ Ташеро».

Как известно, хорошо рассчитанная клевета принесла тогда немало ущерба Бланки и революционным коммунистам. Клеветникам удалось вызвать замешательство также в Центральном комитете рабочих делегатов Сены и среди люксембургских рабочих делегатов. Влияние Бланки среди них упало и соответственно окрепло влияние Луи Блана. Поучительная история Центрального комитета рабочих делегатов Сены осталась историей мелкобуржуазных иллюзий и поражений рабочей лублановщины. Ближайшим поражением явилась неудача новой рабочей демонстрации, которую готовил и организовал ЦК рабочих делегатов Сены совместно с отдельными революционными клубами, чтобы добиться от Временного правительства ускорения обещанных социальных реформ, «уничтожения эксплуатации человека человеком» и «организации труда посредством ассоциации»³⁹.

Стотысячная демонстрация 16 апреля 1848 г. была сорвана и оказалась безрезультатной. Временное правительство с помощью распущенных провокационных слухов о «коммунистическом заговоре» смогло мобилизовать все силы буржуазной национальной гвардии против рабочих, которые потерпели первое после начала революции открытое поражение.

Еще более многозначачим был провал кандидатов ЦК рабочих делегатов Сены на выборах в Учредительное собрание, состоявшихся 22—23 апреля 1848 г. Эта избирательная борьба сама по себе была чрезвычайно трудной для впервые выставленных рабочих кандидатов, учитывая, что время избирательной кампании после событий 16 апреля было ничтожно коротко, а выборы протекали в атмосфере развернувшегося повсеместно наступления реакции.

Итоги выборов отразили общую передвижку в соотношении классовых сил, оттеснение пролетариата с завоеванных им в Февральской революции позиций. Но классовые противники парижских рабочих не ошиблись, когда поставили исход выборов в Париже в связь с разногласием и расколом в демократическом лагере и дезориентацией рабочих избирателей. Список 20 рабочих кандидатов, выставленных ЦК рабочих делегатов Сены и утвержденных окончательно лишь 17 апреля, после голосования на общем собрании люксембургских делегатов, носил весьма неоднородный характер. На нем лежала печать случайностей голосования, в котором утрачивалась ведущая роль нового рабочего актива, выдвинутого революцией. Предпочтение было отдано именам более известных дореволюционных рабочих деятелей. Но и в таком виде список вызвал раздражен-

³⁸ Бланки Л. О. Избр. произв. М., 1952, с. 138.

³⁹ Так гласил текст петиции демонстрантов, опубликованный в «Moniteur Universel» 17 апреля 1848 г.

ную критику Луи Блана, который упрекал люксембургских рабочих делегатов в том, что они «впали в ошибку», так как «избрали в кандидаты только явных социалистов и рабочих, наилучше известных своим товарищам», вместо того чтобы составить список так, чтобы сделать его более приемлемым для демократических республиканцев — несоциалистов⁴⁰. По настоянию Луи Блана список этот был дополнен еще 14 кандидатами из числа «известных демократических деятелей и социалистов». Из него были исключены противники Луи Блана, в том числе Бланки, Ламеннэ и Прудон, зато были включены «левые» члены Временного правительства: Луи Блан, Альбер, Ледрю-Роллен и Флокон, социалисты П. Леру и Ф. Видаль, демократы Торе, Барбес, Коссидьер, Э. Араго, Собрисе, Н. Лебон, Депланк. Луи Блану удалось устранить из этого списка также кандидатуру «скомпрометированного» событиями 16 апреля мирного коммуниста Кабе, хотя Кабе получил большую поддержку в отборочной комиссии ЦК рабочих делегатов Сены, которая наметила включить его в предлагаемый список кандидатов ЦК рабочих делегатов Сены.

В результате общий список 34 кандидатов ЦК рабочих делегатов Сены утрачивал свой «рабочий» облик и приобретал явно выраженный характер фракционного списка лублановско-люксембургского лагеря.

Еще большую сумятицу внесла конкуренция многочисленных других списков парижских демократических клубов, которые также включали в себя имена рабочих кандидатов, выдвинутых ЦК рабочих делегатов Сены, но дополняли их собственными кандидатами демократов и социалистов, усиливая тем самым общую дезориентацию рабочих избирателей. Не помогло делу и то, что ЦК рабочих делегатов Сены делегировал в рабочие районы и предместья Парижа около 300 эмиссаров для распространения и популяризации своего списка кандидатов.

Раскол рабочих и демократических сил был усугублен еще тем, что масса безработного люда, занятого в «национальных мастерских», не освободилась к этому времени от усиленно внушавшегося начальством всех рангов недоверия, неприязненного и даже враждебного отношения к люксембургским делегатам и их организации. Делегаты «национальных мастерских» поддержали состряпанный для них начальником мастерских Тома список кандидатов в депутаты, в котором фигурировало и имя Луи Наполеона Бонапарта.

Авторитет рабочих деятелей дореволюционного периода, когда самостоятельное рабочее движение только возникало, еще не угас, и это отразилось на результатах выборов. Из всех собственно «рабочих кандидатов» в Учредительное собрание оказались избранными по списку ЦК рабочих делегатов Сены только два старых рабочих деятеля, получившие наибольшее число голосов. Одним из них был типограф Мартен-Бернар, широко известный своим участием в рабочем и демократическом движении в годы Июльской монархии и ставший после Февральской революции комиссаром Временного правительства в департаментах Луара и Рона (Мартен-Бернар, будучи избранным, кроме Парижа, также в департаменте Луара, предпочел принять депутатский мандат от этого департамента), другим был Агриколь Пердигье, популярнейший деятель ремесленных компаньонажей с 20-х годов, кандидатура которого собрала 117 тыс. голосов. Показательно, что из списка демократических клубов оказались избранными также лишь три старых деятеля ремесленной «рабочей аристократии»: пригретые буржуазными республиканцами.

Однако нельзя не видеть исторического значения того, что в списке ЦК рабочих делегатов Сены, после Мартен-Бернара и А. Пердигье, среди кандидатов, получивших наибольшее число голосов парижских рабочих избирателей (превышавшее в каждом случае 30 тыс. голосов), были такие, как уже известный нам своими бланкистскими симпатиями и связями

⁴⁰ Histoire de la Révolution de 1848, t. II, p. 61 (рус. пер., с. 409)

механик Древе, люксембургский делегат от рабочих машиностроительного предприятия Дерона и Кайля и председатель Общества слесарей и механиков; как монтажник Малларме, до революции участвовавший в издании склонявшейся к необабувизму «*Fraternité 1845*»; как чертежник Готье, участник бланкистского «Общества времен года» 1839 г. и один из редакторов выходившей в Париже после Февральской революции газеты «*Le règne Duchesne*», само название которой говорит за себя: как Бенжамен Флот, бланкист и руководитель общества поваров и кондитеров⁴¹.

Следует особо выделить тот факт, что известный коммунист-необабувист рабочий-сапожник Савари собрал на выборах в Учредительное собрание по департаменту Сена свыше 63 тыс. голосов, заметно больше, чем Распайль (52 тыс.), и почти столько же, сколько собрал Барбес (64 тыс.).

Голосование за этих кандидатов выявило растущий революционный заряд в рабочих массах Парижа, способный воспламенить взрывчатую силу, таившуюся в умонастроениях парижского пролетариата.

Результаты этих выборов сделали наглядным достигнутый буржуазией успех в оттеснении пролетариата с позиций, завоеванных им в Февральской революции. Учредительное собрание было заполнено помещиками, промышленниками, финансистами, буржуазными политиками, адвокатами, журналистами, чиновниками; рабочих в собрании было лишь 18 человек.

Как известно, в ряде промышленных центров результаты выборов вызвали бурное негодование рабочих, породившее политические и социальные взрывы. Особенно серьезный характер носили события в Лиможе и Руане, где путем массовых революционных действий рабочие пытались аннулировать победу буржуазии на выборах в Учредительное собрание.

Смысл всех этих преддрозовых всполохов на политическом горизонте не ускользнул от внимания наиболее вдумчивых современников.

На сей раз зорче всех разглядел знамения времени Прудон, чью интеллектуальную интуицию крайне обострила неудача, постигшая его и других «истинных социалистов» на выборах в Учредительное собрание⁴². Тревога, охватившая Прудона, питалась не личной амбицией, а очевидным провалом его всеспасительного проекта «банка обмена», который предназначен был объединить и привести в согласие интересы труда и капитала, но натолкнулся на полное равнодушие и буржуазии, и пролетариата, вставших на путь политической борьбы.

Из своих неизменно миротворческих, реформаторских посылок Прудон делал выводы, влетавшие одна в другую и неверные выкладки и верные прогнозы. Результаты выборов в Учредительное собрание он расценил как временную победу буржуазной реакции: «Пролетариат проиграл дело в первой инстанции, теперь буржуазия станет наводить порядок»⁴³. С ужасом Прудон подмечал, что оба класса готовятся к решительной борьбе. «В воздухе носится смутная, будоражащая души идея неизбежности нового террора», — писал Прудон 29 апреля 1848 г. в своей статье «Реакция»⁴⁴. Он предвидел и предсказывал, что если победившая реакция в Учредительном собрании распояшется и обнажит свои агрессивные антирабочие намерения, то Францию охватит пламя гражданской войны. Об-

⁴¹ См. газеты: «*Représentant du Peuple*», 30 avril 1848; «*La Vraie République*», 2 mai 1848. В приведенных этими газетами подсчетах голосов, собранных каждым рабочим кандидатом, иногда имело место небольшое расхождение: Древе — 37 002 и 39 719, Б. Флот — 30 754 и 31 517.

⁴² Кандидатура Прудона на выборах в Париже фигурировала в списках демократических клубов и газет и потерпела поражение вместе с кандидатурами большинства социалистов. Прудон записал после выборов в своих «*Carnets*», что из Учредительного собрания оказались «устраненными истинные социалисты: П. Леру, Консидеран, Кабе и я» (*Carnets*, vol. III, p. 52).

⁴³ «*Représentant du Peuple*», № 28, 29 avril 1848.

⁴⁴ *Ibidem*.

рацаясь ко всем политическим течениям правящего лагеря, Прудон заклинал их и пророчествовал: «Вас отделяет лишь шесть недель от событий, которые я предвещаю вам»⁴⁵. В исчислении времени Прудон ошибся лишь на одну неделю.

Последние дни существования Люксембургской комиссии и института ее рабочих делегатов не могли не отразить новой ступени активных действий парижских рабочих. Передний план картины составляли узловые моменты наступления буржуазии на рабочий класс, обозначившиеся в первые же недели работы Учредительного собрания: замена Временного правительства «Исполнительной комиссией», новым верховным правительственным органом, из которого были удалены Луи Блан и Альбер; отклонение выработанного Люксембургской комиссией законопроекта для решения «социального вопроса» и предложения Луи Блана о создании «министерства прогресса и труда», а затем официальный роспуск Люксембургской комиссии после демонстрации 15 мая; поражение этой последней массовой революционной демонстрации парижского пролетариата, вылившейся в неуправляемое революционное половодье, где не обошлось без полицейской провокации с якобы импровизированным провозглашением «роспуска» Учредительного собрания; следовавший затем арест революционных вождей парижских рабочих — Бланки, Распайля и других и роспуск их революционных клубов.

Но в событиях этого периода можно было разглядеть в бликах и задний план картины — быструю динамику развития классового сознания парижского пролетариата.

Историография революции 1848 г. до сих пор еще не воссоздала во всей широте и глубине размеров этого процесса в мае-июне 1848 г. Собранный разрозненный материал все же дает возможность подметить, что стихийный характер его развития не исключал образования многочисленных, хотя и разбросанных, очагов революционного брожения рабочих масс, способствовавших заострению их классового сознания. Центрами рабочей тревоги и революционного осмысливания событий становились многие профессиональные корпорации и их органы стачечной борьбы, клубы рабочих кварталов, рабочие подразделения национальной гвардии, некоторые локальные секции «Общества прав человека и гражданина». В мае 1848 г. в Париже поднялась волна новых стачек на мелких и крупных предприятиях столицы. В этих стачках требования о повышении заработной платы и борьбы с безработицей принимали все большую политическую окраску. Застрельщиками этой борьбы по-прежнему выступали металлисты и железнодорожники. В начале мая окончательно оформилась объединенная организация парижских рабочих металлистов — Генеральное политическое и филантропическое общество рабочих механиков и слесарей со всеми их подразделениями. В те же дни рабочие Северной железной дороги потребовали увеличения заработной платы (на 1 франк в день) и реализации «завоеванного рабочими права на раздел прибыли». Борьба приняла и здесь боевой политический характер, особенно после того, как вожак железнодорожников выступил с разоблачением, сообщив о том, что по Северной железной дороге происходит доставка в столицу пушек. «Весьма благоразумно было бы обеспокоиться тем, как намеревается использовать это оружие наше правительство, которое, как мне кажется, совсем поворачивает к монархии», — заявил публично 11 мая известный нам рабочий делегат бланкист Лавуа⁴⁶.

На следующий день железнодорожники Северной железной дороги объявили забастовку и установили сеть пикетов на перронах вокзалов и железнодорожных мостах. В железнодорожных мастерских Ла-Шапель создали «рабочую национальную гвардию», и 2 тыс. бастующих заняли

⁴⁵ «Représentant du Peuple», № 28, 29 avril 1848.

⁴⁶ Цит. по: Gossez R. Op. cit., p. 248.

мастерские. С помощью направленных правительством отрядов национальной и мобильной гвардии администрации Северной железной дороги удалось овладеть положением и восстановить движение.

Новые забастовки в отраслях парижских промыслов, у кожевников и обувщиков, у изготовителей шерстяных и шелковых тканей, у шляпниц и обойщиков, встречали теперь ожесточенное сопротивление хозяев. Многие из них закрывали свои предприятия, чтобы не уступать требованиям рабочих. Ко всей массе взрывчатых умонастроенных рабочих присоединилось возмущение намерением предпринимателей полностью восстановить свое хозяйское самовластие на предприятиях. Пример подали владельцы крупных предприятий — на заводе Кайль в конце мая 1848 г. владельцы разорвали свой договор с рабочими об «ассоциации» и ликвидировали ее посредством локаута всех рабочих и приема обратно только тех, кто подпишет индивидуальный трудовой контракт.

В ходе майского стачечного движения бастующие все чаще прибегали к работе в «национальных мастерских», делая их своего рода «стаечным фондом» либо «убежищем, где рабочие укрываются от произвола хозяев», как характеризовала теперь мастерские революционная пресса Парижа⁴⁷. Вследствие этого состав «национальных мастерских» пополнялся кадровыми рабочими, лишавшимися работы нередко в связи с преднамеренным закрытием предприятий владельцами, боровшимися с рабочим движением «костлявой рукой голода». Влияние парижского пролетариата на рабочую массу «национальных мастерских» заметно усилилось, постепенно рушилось возведенное между ними средостение.

15 мая значительная часть рабочих «национальных мастерских» впервые приняла активное участие в общей демонстрации парижского пролетариата.

В этой обстановке резкого обострения классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией Люксембургская комиссия и организация ее рабочих делегатов доживали свои последние дни. Рушилась идейная и политическая основа, закладывавшаяся в первые недели февральского периода и сохранявшаяся все два месяца существования организации люксембургских рабочих делегатов. К тому же еще более слабело и элиминировалось влияние передовых элементов в Центральном комитете рабочих делегатов Сены. Революционные ферменты в этом организме были погашены свирепыми репрессиями против революционных коммунистов и социалистов после демонстрации 15 мая, арестом Бланки, закрытием бланкистского клуба «Центральное республиканское общество» и разрушением его связей в рабочем активе.

Вполне закономерно, что живая кровь рабочего движения в процессе его глубокого революционирования отхлынула от парализованного, хиреющего люксембургского организма. Роспуск Люксембургской комиссии Учредительным собранием не вызвал в массах парижских рабочих сколько-нибудь заметной ответной реакции, и столь же тихой была смерть организации ее рабочих делегатов и Центрального комитета рабочих делегатов Сены.

Его охвостье из наиболее умеренных луйблановских и сенсимонистских элементов вплоть до июньского восстания пыталось воссоздать рабочую организацию люксембургского толка в виде общепарижской антиреволюционной и сугубо реформистской «ассоциации».

Почувствительная история этой заключительной фазы рабочей луйблановщины последнего месяца до июньского восстания требует, однако, специального рассмотрения, выходящего за рамки нашей статьи.

⁴⁷ «Tocsin des Travailleurs», 17 juin 1848.

мастерские. С помощью направленных правительством отрядов национальной и мобильной гвардии администрации Северной железной дороги удалось овладеть положением и восстановить движение.

Новые забастовки в отраслях парижских промыслов, у кожевников и обувщиков, у изготовителей шерстяных и шелковых тканей, у шляпниц и обойщиков, встречали теперь ожесточенное сопротивление хозяев. Многие из них закрывали свои предприятия, чтобы не уступать требованиям рабочих. Ко всей массе взрывчатых умонастроений рабочих присоединилось возмущение намерением предпринимателей полностью восстановить свое хозяйское самовластие на предприятиях. Пример подали владельцы крупных предприятий — на заводе Кайль в конце мая 1848 г. владельцы разорвали свой договор с рабочими об «ассоциации» и ликвидировали ее посредством локаута всех рабочих и приема обратно только тех, кто подпишет индивидуальный трудовой контракт.

В ходе майского стачечного движения бастующие все чаще прибегали к работе в «национальных мастерских», делая их своего рода «стаечным фондом» либо «убежищем, где рабочие укрываются от произвола хозяев», как характеризовала теперь мастерские революционная пресса Парижа⁴⁷. Вследствие этого состав «национальных мастерских» пополнялся кадровыми рабочими, лишившимися работы нередко в связи с преднамеренным закрытием предприятий владельцами, борющимися с рабочим движением «костлявой рукой голода». Влияние парижского пролетариата на рабочую массу «национальных мастерских» заметно усилилось, постепенно рушилось возведенное между ними средостение.

15 мая значительная часть рабочих «национальных мастерских» впервые приняла активное участие в общей демонстрации парижского пролетариата.

В этой обстановке резкого обострения классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией Люксембургская комиссия и организация ее рабочих делегатов доживали свои последние дни. Рушилась идейная и политическая основа, закладывавшаяся в первые недели февральского периода и сохранявшаяся все два месяца существования организации люксембургских рабочих делегатов. К тому же еще более слабело и элиминировалось влияние передовых элементов в Центральном комитете рабочих делегатов Сены. Революционные ферменты в этом организме были погашены свирепыми репрессиями против революционных коммунистов и социалистов после демонстрации 15 мая, арестом Бланки, закрытием бланкистского клуба «Центральное республиканское общество» и разрушением его связей в рабочем активе.

Вполне закономерно, что живая кровь рабочего движения в процессе его глубокого революционизирования отхлынула от парализованного, хиреющего люксембургского организма. Роспуск Люксембургской комиссии Учредительным собранием не вызвал в массах парижских рабочих сколько-нибудь заметной ответной реакции, и столь же тихой была смерть организации ее рабочих делегатов и Центрального комитета рабочих делегатов Сены.

Его охвостье из наиболее умеренных дуйблановских и сенсимонистских элементов вплоть до июньского восстания пыталось воссоздать рабочую организацию люксембургского толка в виде общепарижской антиреволюционной и сугубо реформистской «ассоциации».

Поучительная история этой заключительной фазы рабочей дуйблановщины последнего месяца до июньского восстания требует, однако, специального рассмотрения, выходящего за рамки нашей статьи.

⁴⁷ «Toesin des Travailleurs», 17 juin 1848.